PG 3337
.I34 P3

1863

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Iapanko-Molotov, E.I.
Д 258
240

ПАСТУШЕСКАЯ СВИРѢЛЬ

СТИХОТВОРЕНІЕ

КРЕСТЬЯНИНА

Е. И. Японко-Молотова

ИЗД. СОЧИНИТЕЛЕМЪ.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.

Въ Губернской Типографіи.

1863 г.

PG3337
.I34P3
1863

Одобрено цензурой. Москва, 6 Января, 1863 года.
Цензоръ *И. Росковшенко.*

ЭЛЕГІЯ (1850 Г.)

Прощайте долины, прощайте дремучи лѣса:
Не видаться вамъ больше ужъ съ милымъ питомцемъ своимъ.
Прощайте холмы, прощайте широки поля:
Вы больше не явитесь взорамъ плѣненнымъ моимъ.
Прощайте рѣки, прощайте зелены луга:
Вы прелестью больше не будете нѣжить меня.
Прощайте горы, прощайте столѣтни дуба:
И зефиръ вамъ ужъ больше не будетъ шептать про меня.
Не приду ужъ я въ эти долины цвѣточки срывать,
Не буду я зрѣть знакомые въ оныхъ мѣста,
Не буду и птичекъ пернатыхъ въ лѣсу призывать,
Ихъ видъ разноцвѣтный одна-лишь мнѣ будетъ мечта,
Съ высокихъ холмовъ не зрѣть мнѣ туманную даль,
Родимые кущи пріятный и милый пріютъ,
Не увижу ужъ въ полѣ волнистыя нивы, какъ сталь
И пчелокъ и мушекъ, которые росу берутъ,
Не плескаться мнѣ больше здѣсь въ рѣчкѣ кристальной водой,
Не буду я взора струею прозрачной плѣнять,
Въ лугу не лобзаться мнѣ больше ужъ съ мягкой травой,

90c76

Не буду на коврикѣ влажномъ зеленомъ лежать,
Златистый песокъ не буду съ горы я метать
И блестками камушковъ больше не буду прельщенъ,
Здѣсь вѣтвями дуба не буду себя укрывать
И сномъ безмятежнымъ не буду подъ нимъ удрученъ.—
Осужденъ я влачить всю жизнь на чужбинѣ въ тоскѣ
И скука, и слезы вѣкъ будутъ лишь мучить меня,
Умретъ моя жизнь, какъ въ осиновомъ горькомъ листкѣ,
Ни слёзу, ни вздоха, ни слова никто про меня
Не спустютъ въ родимой моей сторонѣ.

ПЧЕЛКА.

Лишь только солнце, изъ за тучь
Неба голубаго,
Начнетъ показывать свой лучь:
Изъ домика роднаго,
Спѣшитъ пчела на дневный трудъ
И въ лугѣ душистомъ,
Гдѣ рѣчки быстрыя текутъ,
На клѣверѣ огнистомъ
Она находитъ сладкій сокъ

И жадно выпиваетъ;—
Но вдругъ бѣдняжку, вѣтерокъ
Съ клѣвера срываетъ:
Злобно бросивъ въ ручеёкъ,
Быстро улетаетъ.—
Трудолюбивой пчелки рокъ,
Урокомъ намъ бываетъ.

ВЕСНА И ЛЕТО.

Съ весной разцвѣтаютъ и чувства людей,
Играетъ и сердце и мысли свѣтлѣй:
Малютка игривый, рѣзвяся стремится
На мягкія нивы безпечно ложится,
Онъ травку лобзаетъ, онъ росу сосетъ,
Цвѣточки срываетъ, вѣночки плететъ.
Старикъ посѣдѣлый съ полночи не спитъ
И ждетъ, какъ свѣтъ бѣлый въ немъ духъ воскреситъ
И кровь разогрѣютъ лучи
Теплотворнаго солнца.

ОСЕНЬ.

Осенью, послѣ ненастнаго дождичка,
Вѣтеръ холодный въ полѣ повѣетъ,
Травку сухую вездѣ зашевѣлитъ;
Засохнутъ, пожелкнутъ цвѣты на поляхъ,
Всѣ птички замолкнутъ въ лугахъ и лѣсахъ.
Солнце тогда, хоть свѣтитъ,—не грѣетъ,
Листъ на деревьяхъ, какъ мѣдь пожелтѣетъ,
Онъ съ вѣтромъ холоднымъ вдаль полетитъ;
Сердечко красотки забьетъ, застучитъ
И въ другъ замелькаетъ густая рѣсница,
Горячую слезу уронитъ дѣвица
И скажетъ со вздохомъ:
«Прощайте гулянья до новой весны.»

ЗИМА.

Всѣ холмы, долины, поля и лѣса,
Гдѣ царствуетъ роскошъ, нѣга, краса
Въ красную весну и теплое лѣто,—

Въ зиму все снѣгомъ и инѣемъ одѣто:—
Природа уснетъ, мрачны небеса,
На сельскихъ гуляньяхъ не зрится краса;
Порой хоть ланита морозомъ свѣжится,
Но въ сердцѣ дѣвицѣ, какъ камень ложится
И онъ распадется съ весной.

БАЛЛАДА.

Однажды я вечеромъ рыбу ловилъ,
Мнѣ кто-то за неводъ въ водѣ зацѣпилъ.
Слыхалъ я не разъ отъ старыхъ людей,
Что въ водѣ поселёно племя чертей:
Я струсилъ ужасно,—хотѣлъ ужъ бѣжать,
Но жалко мнѣ неводъ въ водѣ оставлять,
Тащить его вонъ пытался не разъ,
Потомъ изъ воды мнѣ слышенъ сталъ гласъ:
Упреки, руганья и просьбы ко мнѣ,
То крикъ, то стѣнанья, то плачь въ глубинѣ;
Собравши я силы, рванулъ изъ воды,
Пустехонекъ неводъ, пропали труды!
Гляжу я безмолвно на берегъ крутой,

На синія волны и неводъ пустой:
Вдругъ что-то блеснуло вверьху надъ водой;
Явилась на брегѣ тѣнь дѣвы младой
И влажные волосы чешетъ она;
Затихли и волны, кругомъ тишина,
Вотъ падаетъ дѣва въ средину рѣки,
Спасенія ищетъ и проситъ руки,
Потомъ выплываетъ на берегъ другой,
Садится въ траву и плещетъ водой,
Смѣется и плачетъ, киваетъ главой,
На полныя груди наводитъ рукой,
Другую лобзаетъ вмѣсто меня;
Стою я, какъ призракъ и все тишина.
Не даромъ, подумалъ, твердятъ старики
И бросивши неводъ бѣгу отъ рѣки;
Едва я живой домой прибѣжалъ:
Блѣднѣлъ будто тѣнь и долго дрожалъ;
Всю ночь представлялась мнѣ той дѣвы тѣнь,
Пошолъ я къ рѣкѣ въ другой уже день:
Нашолъ на лугу лишъ неводъ сухой
И видѣлъ на брегѣ тамъ пѣнь претолстой;
Схвативши я неводъ отъ рѣчки и прочь—
И нынѣ все помню про чортову дочь!

ОЧЕРКЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Отецъ мой скончался еще молодой,
Не выждалъ, голубчикъ, глубокой поры,
Лошадка его слышь-убила съ горы,
Оставилъ родимый — меня сиротой.
Въ то время ребенкомъ годочку я былъ,
Незналъ ни чего, нельзя было знать,
Но послѣ мнѣ все разсказала ужъ мать:
«Тебя-де покойный до страсти любилъ»
У батюшки былъ не одинъ только я,
Всѣхъ пятеро было, да что до того,
Изъ всѣхъ меня больше любилъ одного,
Хоть и вся была родна и мила семья;
Людской вѣдь законъ для сердца нѣмой,
Отецъ былъ хоть бѣденъ, да все не почёмъ,
Всегда онъ дарилъ меня калачомъ
Тогда, какъ пріѣдетъ съ базара домой.
Бывало, родимый, слышъ-такъ баловалъ:
Въ праздникъ рядилъ и какъ будто бы дань
Давалъ мнѣ, то пряникъ, то мерзлу рязань
И съ разу-сто-разъ потомъ цаловалъ.
Онъ мирно и честно покончилъ вѣкъ свой,

Не дѣлалъ обидъ и зла никому,
Небесное царствіе дай Богъ ему,
Да вѣчную память и вѣчный покой.—
Долгонько грустила бѣдная мать,
Не мало ронила понемъ горькихъ слезъ;
Но что было дѣлать, коль-такъ привелось?
Досталось бѣдняжкѣ—ей насъ воспитать:
Воткнула за гребень дѣвчонку сестру,
Заставила брата учиться читать,
А насъ ребятишекъ послала сбирать—
Выпрашивать хлѣбъ Христа-ради въ міру.
Хоть много печали и много заботъ,
Все малъ-мала меньше семья не мала,
Но все же родимая-все пержила
И Богъ не забылъ насъ бѣдныхъ сиротъ:
Въ міру не безъ добрыхъ, пословица есть:
Ученому брату, лѣтъ черезъ пять,
Народную перепись дали писать,
За трудъ заплатили и сдѣлали честь;
Другой за нимъ братъ, хоть очень былъ малъ,
Не больше не меньше, какъ лѣтъ девяти,
Однако умѣлъ ужъ лапти плести
И третій понемъ я—славно ужъ прялъ.
Трудились мы всѣ-не боялись труда:

Готовили скудное платье для всѣхъ,
При помощи Божьей во всемъ былъ успѣхъ
И такъ не замѣтно летѣли года;
А въ лѣто бывало, какъ всѣ подросли,
Въ полѣ трудилась старшихъ семья,
А младшій братишка и вмѣстѣ съ нимъ я
Свое деревенское стадо пасли.
Взлелѣялъ всѣхъ Богъ насъ и всѣхъ воспиталъ,
Всѣмъ умъ далъ и силу, и далъ произволъ,
И страсти порывы и вѣры символъ,
Тернистый и гладкій всѣмъ путь указалъ.
Родимой семейкой пустились мы въ путь,
Подъ легкою ношей бѣжали-пешли,
Почти не касались стопою земли;
Но мать и два брата легли отдохнуть,
Сестра и я съ братомъ осталась семья,
По той же дорогѣ и только втроемъ,
Не такъ ужъ, какъ прежде, мы тише идемъ,
Вотъ-чувствую сталъ уставать ужъ и я.

КРАСАВИЦА.

Вилось кольцо въ ея власахъ
Чернѣе, чѣмъ сумракъ ночной;

Свѣтилъ лазурь въ ея глазахъ,
Небосклона лазурь голубой;
Какъ розы цвѣтъ въ ея щекахъ
Бѣлыхъ и полныхъ, какъ шаръ пуховой;
Кораллъ блестѣлъ въ ея устахъ
И съ розовой змѣйкой живой;
Широкій поясъ весь въ цвѣтахъ,
Въ цвѣтахъ красоты не земной;
А талья? ножка?..... красиво все страхъ,
Какъ сряжена Божьей рукой!

ЖУКОВКА ЖИВАЯ.

Вкругъ меня, какъ духъ летала
По паркету цѣлый день,
То кружилась, то скакала
И дрожала будто тѣнь,
То металась точно львица
И вилась какъ бы змѣя,
Пѣла будто вольна птица
Въ трель лѣснаго соловья,
То кукушкой куковала

И кричала перепелкомъ,
То голубкой ворковала,
Въ тактъ трещала язычкомъ,
То какъ въ выспреннемъ эфирѣ
Съ искрой жгучей метеоръ,
Дивный, чудный въ этомъ мірѣ
На меня бросала взоръ,
То вставала позой милой
И блестѣла красотой,
То бросала взоръ унылый
И казалась сиротой.
Что за дивная игрушка
Эта куколка живая?
Вѣка райскаго пастушка,
Или Пери не земная?

СЕКРЕТЪ ВЪ ЛЮБОВНЫХЪ ДѢЛАХЪ.

Какъ бывало молодъ я былъ
И страсти кипѣли во мнѣ;
До безумства я ихъ любилъ,

Но меня не любили онѣ.
Одинъ былъ отвѣтъ:
Не люблю тебя нѣтъ, нѣтъ.
Заговоры у знахаракъ бралъ,
Въ лягушкѣ крючокъ находилъ,
Въ Ивановъ день папортникъ рвалъ,
На новый годъ кошку варилъ.
Ужель въ томъ секретъ?
Не повѣрю—нѣтъ, нѣтъ.
Биралъ и землицы съ могилъ,
Изъ ·зана ниточки кралъ,
Съ ними на зорю ходилъ
И тамъ на нихъ узлы вязалъ.
Ужель въ томъ секретъ?
Не повѣрю—нѣтъ, нѣтъ.
И къ чорту съ докукой ходилъ,
Искалъ его въ дикихъ мѣстахъ,
Поруки его я просилъ
Въ скользкихъ любовныхъ дѣлахъ.
Ужель въ томъ секретъ?
Не повѣрю—нѣтъ, нѣтъ.
Промчались, минули года,
Красивый завелъ себѣ Porte-monnaie,
Умеря онъ сталъ полонъ всегда.

Теперь меня любютъ онѣ,
Теперь-то я понялъ,
Въ чѣмъ былъ секретъ.

ПѢСНЯ.

Не тоскуй, не воркуй
Ты голубушка,
Полетай, оставляй
Тепло гнѣздышко;
Не дождаться тебѣ
Друга милаго,
Злой охотникъ убилъ
Сизокрылаго
И постигла сиротъ
Смерть позорная
Разнесла по горамъ
Птица чорная.
Не тоскуй не горюй
Красна дѣвица,
Размычь горе—тоску
Разкрасавица;

Невидать ужъ тебѣ
Счастья прежняго,
Сразилъ вражій булатъ
Друга нѣжнаго,
Схоронила его
Рука хладная.
Прочь злодѣйка тоска
Безъотрадная!

ПАСТУШЕСКАЯ СВИРѢЛЬ.

Ахъ какъ мила мнѣ та жизнь и картина,
Гдѣ въ дѣтствѣ игралъ я рѣзвился и росъ;
Пріятно тамъ вѣетъ и запахъ овина,
Тамъ стройно звучатъ и скрипы колесъ,
Овѣчьи блеянья и крикъ пѣтуховъ,
И вопъ ребятишекъ, и стонъ стариковъ
Все такъ же пріятны, какъ стройны напѣвы
Румяной и полной красавицы дѣвы.
Хотя дорога мнѣ жизнь нынѣ стала,
Но радъ бы полжизни тепери отдать,
Лишъ толькобъ опять, какъ прежде бывало,

Чтобъ снова ребенкомъ быть мнѣ опять!
Не много я видѣлъ тамъ красненькихъ дней,
Не слишкомъ была завидная доля,
Но въ свѣтѣ всего мнѣ было милѣй
Веселая юность и буйная воля.
Я помню, какъ мило мнѣ было гулять
Лѣтомъ въ диравомъ бѣльѣ и босому,
Съ собратьями въ козны, да въ мячикъ играть,
Не пивши не ѣвши, полсутокъ изъ дому.
Бывало подъ вечеръ-то, въ лѣтнюю пору,
Впряжешъ ребятишекъ полдюжины въ рядъ
И прыснешъ скачками по улицѣ въ гору,
Тутъ пятки объ землю лишъ только стучатъ;
А послѣ, когда ужъ намъ бѣгъ надоѣстъ,
Какъ версту другую и третью проскачешъ,
То бросивъ тотъ рѣзвый и глупый поѣздъ,
Другія игры себѣ предназначишъ:
Ворами, иль такъ называли мы, станомъ
И вновь опять тажъ началась бѣготня;
Въ той-то игрѣ всегда атаманомъ
Они всей толпой назначали меня,
Въ ней-то, я помню, пропасть затѣй:
Разгулы и казни, и постъ и сигналы,
Страшно бывало я бѣдныхъ дѣтей

Трепалъ за проступки и слалъ имъ опалы:
Отдуешъ порядкомъ и батькина сына,
Но что было дѣлать?—нельзя миновать,
Такая въ игрѣ была дисциплина,
Нельзя тогда было потачку давать;
Иной разъ толпою и съ легкой руки,
Меня назовутъ себѣ старшиною
И я тогда въ подать съ нихъ бралъ черепки,
И тутъ неплательщикъ платилъ мнѣ спиною.
Какъ ни судилъ, мнѣ все съ рукъ сходило,
Но надоже было случиться тому:
Помнится какъ-то въ праздникъ то было,
Я рыло до крови разбилъ одному,
А онъ закадычилъ, надѣлалъ содому
И братъ его старшій тотъ крикъ услыхалъ,
Побои хороши—старшинѣ хоть любому,
Сколько на бѣдность онъ мнѣ наклалъ.
Однажды подъ вечеръ въ сосѣднемъ саду
Я яблочковъ порвалъ, всего-то не много,
Случилось же такъ, все мнѣ на бѣду,
Увидѣлъ хозяинъ, ужъ вотъ и тревога;
А чтобъ пососѣдски—прогналъ да и святъ,
Такъ-нѣтъ ему мало, ему недовольно,
Къ матери дернулъ, такой супостатъ!

И мать меня высѣкла прутьями больно.
Однажды сноха, да мы четверо братья,
Всѣ вмѣстѣ шли съ поля домой вечеркомъ,
Несли они пещуръ, буракъ и все платье,
А я, такъ-себѣ, шолъ съ порожнимъ горшкомъ
И младшему брату какъ-то не знаю,
Серпа черенкомъ по рылу задѣлъ;
Всёбъ ничего, сказалъ что играю,
Да онъ осерчалъ забранился пострѣлъ,
А я, не теряя попусту словъ,
Ловко горшкомъ по затылку отвѣсилъ
И онъ бѣдный разомъ слетѣлъ съ копылковъ,
Кувыркался долго и все куралѣсилъ;
Помню, какъ страшно тогда пріопѣшилъ
И помню, какъ тутъ меня старшій нашъ братъ,
Лихо на честь и на славу потѣшилъ,
Что ей—ей я былъ жизни тогда ужъ не радъ.
Много мнѣ было такихъ перепалокъ,
Знать все доставалось на счастливу выть,
Много пинковъ и розогъ, и палокъ,
Всего было въ волю, вѣдь грѣхъ утаить;
Бывало такого нѣтъ дня и у Бога,
Который бы такъ для меня проходилъ,
Чтобъ кто изъ семейныхъ не мало, не много,

Всего разъ десятокъ въ день не побилъ;
Признаться сказать, и я былъ проказникъ,
Смѣшно и отрадно мнѣ все вспомянуть;
Помню, бывало на улицѣ въ праздникъ,
Кого, меня кромѣ, на фокусъ надуть?
Первый бывало на петлю я встану,
Начну себя къ верху потомъ поднимать,
Взовьюсь какъ паукъ и грошъ тамъ достану,
И скоро назадъ я спущусь съ нимъ опять;
Много мнѣ такъ тогда удавалось
Пятаки да гроши вверху доставать,
Впрочемъ не рѣдко со мною случалось
И стремглавъ съ переклада согнувшись летать.
Разъ подъ колѣни я далъ связать руки,
Чтобъ такъ же мнѣ даромъ и гривну достать,
Но тутъ уже были обманчивы штуки:
Пришлось мнѣ свободу на слезы смѣнять;
Я послѣ ужъ долго не шолъ подъ обманъ,
Но разъ пристали ребяты и сбили:
Ну слазь да и все—тутъ, слазь братъ Японъ, (*)
Осенью въ воду, и грошъ посулили,

(*) Японъ и Японка, дѣтское семиліе автора.

Ну—что было дѣлать?—какъ же тутъ быть?
Совсѣмъ отказаться, такъ думалъ безчестно,
Притомъ мнѣ и грошъ-то хотѣлось схватить,
Вѣдь даромъ, какому мальчишкѣ не лѣстно;
Опять тутъ надули пострѣлы Япанку:
Въ водѣ искупался совсѣмъ съ головой,
Я мигомъ схватилъ болѣзнь лихоманку
И тепери все помню про грошъ даровой.—
На все свое время, всему есть чередъ.
Фортуна вертитъ вѣдь нами какъ надо.
Когда уже былъ десятый мнѣ годъ,
Тогда я ужъ пасъ деревенское стадо:
Бойко и строго я правилъ скотами,
Имѣлъ преотличный дубовый падогъ,
Пару кнутовъ смоленыхъ съ кистями,
Трубку, тростяную дудку и рогъ.
Въ Майскій веселый и красненькій день
Такое раздолье, такая услада:
Разуешся, шляпу сшибешъ на бекрень
И ходишъ лѣниво такъ около стада,
Иль выдешъ въ широку душисту долину,
Да хлопнешъ по травкѣ зеленой кнутомъ,
Гаркнешъ на рѣзву и робку скотину
И эхо въ равнинѣ раздастся, какъ громъ,

Завоетъ, въ дали затрещитъ, разлетится,
Въ томныхъ и дальнихъ раскатахъ замретъ;
Тутъ жавронокъ робкій слетитъ, закружится
И стройно и сладко вверху запоетъ,
Взоръ обласкаетъ тотъ дивный кружокъ
И сердце защиплютъ забавныя трели,
Схватишъ въ забвеньи красивый рожокъ
И голосъ раздастся тамъ звонкой свирѣли;
Но за то-ужъ, какъ осень лихая настанетъ:
Худые лохмотьи-то дождикъ пробьетъ,
Да съ сѣверу вѣтеръ холодный потянетъ,
Да пушными хлопками снѣгъ понесетъ,—
Ужъ тутъ не родись на свѣтъ человѣкъ:
Сырость и холодъ, одежда худая,
Вотъ—тутъ такъ умрешъ недоживши свой вѣкъ
И все проклянешъ въ грязи умирая;
Но насъ вѣдь святое блюдетъ Провидѣнье,—
Не долго я пасъ и не долго страдалъ,
И тутъ я нашелъ себѣ избавленье:
Нарочно разъ въ воду корову загналъ,
Она утонула,—меня прочь отъ стада;—
Не помню въ проступкѣ винился иль нѣтъ,
Только что помню какая награда:
Лишъ нуль за работу, да волчій билетъ.

Вотъ и зима кой-какъ пролетѣла,—
Я только шалберилъ да кое-какъ прялъ,
Весной же усердно взялся я за дѣло:
Пахалъ, борновалъ, а лѣтомъ-то жалъ;
Однако и то все страхъ надоѣло,—
И этому дѣлу я сталъ ужъ не радъ,—
Взялся за другое и легкое дѣло:
У женщинъ я забралъ посильный подрядъ:
Дѣлать воробы, набилки, коклюшки
И словомъ весь полный приборъ для станковъ,
Дѣлалъ и разныя дѣтямъ игрушки
И много собралъ за то пятаковъ,
На нихъ и купилъ церковный букварь (*)
И сталъ самоучкой читать между дѣла,
Не владъ, на разпѣвъ, точно нашъ Пономарь,
И вралъ безъ пощады, ни черно, ни бѣло;
Хоть началъ конечно учиться съ аза,
Но нынѣбъ послушать, такъ право умора,
А помню какъ льстило и слухъ, и глаза:
Оксіа, исо, варіа, камора.....
Такъ рѣзьма и рѣзалъ, что день, то урокъ;
Родня зашептала,—должно быть смекнули,—

(*) Славянскій букварь называется церковнымъ

Должно быть вомнѣ-то замѣтили прокъ,
Да въ школу меня какъ разъ и спѣхнули.
Покамѣсть съ гнѣздомъ со всѣмъ не простился,
Съ презрѣньемъ я бросилъ худое руно
И въ новое платье прегордо срядился,
И вышелъ панъ-паномъ, ахъ, право смѣшно,
Ступалъ и неслышалъ земли подъ собой,
Куда миновалась и пыль вся, и грязь;
Мальчишкижъ глазѣли издальки толпой,
А я съ высока глядѣлъ, какъ-бы князь;
Поди-ты, канальи, какъ встрѣтили чуда,
Какъ будто никто сродясь не видалъ.
Впрочемъ ужъ будетъ болтать-то покуда,
Меня извините, я очень усталъ;
Каждое слово въ мысляхъ двоится,
Пожалуй и больше наскажешъ чухи;
Риѳма теперь совсѣмъ не клеится,
Вѣдь хуже демьяновой будетъ ухи,
А завтра пошлетъ намъ Богъ добрый часъ,
Высплюсь побольше и умъ освѣжится, —
Все остальное скажу безъ прикрасъ,
Только чуръ послѣ прошу не браниться.
Вотъ и новое утро, и я веселѣе,
И вновь опять тожъ начинаю болтать,

Теперь у меня какъ-то мысли свѣтлѣе,
Извольте, друзья, теперь слушать опять:—
Тогда какъ въ училище ѣхать сбирался,
Всѣ братья куксились и плакала мать,
Одинъ я былъ веселъ, шалилъ и смѣялся,
Родняжъ и сосѣди дивились не встать
И каждый давалъ свое заключенье,
Судили, рядили и издали слухъ:
«Проклятый знать былъ, поѣхалъ въ ученье,—
Навѣки пропалъ нашъ Японка пастухъ.»
Изъ нѣдра роднаго, въ почву чужую
Персадили, какъ маленькій дикій цвѣтокъ:
Оставивъ собратьевъ и семью родную,
Грустилъ я—былъ долго душой одинокъ
И долго кровь леденѣла во мнѣ;
Юное сердце болѣло, томилось
И долго оно въ родной пеленѣ
Для всѣхъ одинаково медленно билось;
Долго бѣдный мой умъ развивался,
Таился и млѣлъ въ предѣлахъ чела,
Долго съ разсудкомъ и мыслью незнался
И сила воли спокойно спала,
Спали и чувства, разсудокъ и страсти,
Весь составъ былъ и тупой и нѣмой, и глухой;

Все покорилось невѣдомой власти,
Все было покрыто тугой скорлупой.
Науку свершилъ я въ два только года,
Хоть геній мой нѣмъ былъ, и глухъ былъ, и слѣпъ,
А послѣ гласили мнѣ Богъ и природа:
«Иди и въ потѣ лица снѣси хлѣбъ.»
Пошолъ я въ невѣдомый путь, одинокій,
Лишъ съ юною силой, не хмуря чела,
Хоть страшенъ невѣдомый путь тотъ далекій,
Судьба не извѣстно какая была;
Но не бралъ вожатыхъ, не спрашивалъ бродъ,
Шолъ я—себѣ, съ колеи не сбивался:
Надежда и вѣра былъ мой оплотъ
И рѣдко съ нежданной любовью встрѣчался,
Хоть равно любилъ друзей и враговъ,
Не зналъ что за хитрость и лѣсти боялся,
Не зналъ ни коварства, не зналъ ложныхъ словъ
И къ явнымъ врагамъ въ объятья бросался:
Сочувствія, дружбы и ласки искалъ,
Думалъ наивно: все сестры да братья,
Но горько и стыдно,—не разъ попадалъ
Къ маскамъ уродливымъ въ жостки объятья.
Подкуплену золотомъ видѣлъ любовь,
Ложные вздохи, поддѣльные слезы

И хитростей жертвъ, и невинную кровь,
И какъ увядаютъ на жертвахъ тѣхъ розы.—
Мнѣ долго фортуна сулила вѣнокъ
Зеленый изъ пальмы и мирты, и розы,
А послѣ дала мнѣ изрядный толчокъ
И голый лишъ пукъ изсохшей березы.
Въ жизни моей я разъ лишъ женился
Ито знать въ лихую планету былъ бракъ,
Какъ гусь молодой тутъ во щи ввалился:
Нашолъ какъ Ксантипу философъ Сократъ,
А послѣ ужъ въ волости писаремъ былъ,
Къ несчастью, для этаго въ долгъ я учился,(?)
Какъ—разъ тутъ въ три года подъ судъ угодилъ(!)
И десять лѣтъ ровно страдалъ и судился;
Все время закрытъ былъ законъ уголовный
И вотъ-состоялся теперь приговоръ:
Я первый съ пятномъ въ моей родословной
И первый я нажилъ потомству позоръ.—
Теперь, какъ узналъ я горя отраву
И радости кличъ и цѣну слезамъ,
И бѣдности бичъ, и золота славу,
Подъ часъ съ горемыкой сталъ плакать и самъ.
Хоть къ нуждѣ и горю я славно привыкъ
И вижу—ужъ близко холодна могила,

Я въ тридцать пять лѣтъ совершенный старикъ,
А крайнѣ все жаль, что было мнѣ мило;
Но юности время назадъ не вернется
И грустью объ немъ не разжалобишъ васъ,
И муза рѣзвушка отъ слёзъ отвернется,
Отъ скуки пожалуй стрѣкнетъ на Парнассъ,
Да послѣ и носъ не покажетъ поэту,
Какъ сядетъ въ уютномъ и тепломъ гнѣздѣ;
Тогда по неволѣ ужъ бросишся въ Лету,
Лишъ вскочитъ пузырикъ одинъ на водѣ.

УДАРЪ СУДЬБЫ.

Не поздно не рано, то утромъ зимой,
Съ тоскою тяжолой я ѣхалъ домой;
Усталый на службѣ спѣшилъ отдохнуть,
Томился отрадой и длился мой путь;
На тощихъ клячонкахъ старикъ меня мчалъ
И я отъ бездѣлья лежа примѣчалъ,
Какъ звѣзды скрывались за тѣнь пелены
И чуть-чуть мерцала часть блѣдной луны;
Хоть трудна и скучна дорога была,

Но былъ уже близко роднаго села;
Я много тамъ встрѣтилъ природы чудесъ:
И горы съ чалмами, и въ саванѣ лѣсъ,
И бѣлымъ атласомъ покрыты луга,
И съ хлѣбомъ одоньи, и съ сѣномъ стога,
Всѣ въ заячьихъ шапкахъ угрюмо стоятъ,
Причудливъ и мраченъ и дикъ ихъ нарядъ:
Тутъ пугала птичья въ худомъ колпакѣ,
Тамъ галка убита виситъ на шестѣ.—
Стоятъ одиноки въ пустой сторонѣ,
Какъ будто забыты судьбою онѣ;
Не тратитъ хозяинъ святаго труда,
Не дѣлитъ досуга и нѣтъ къ нимъ слѣда;
Порой лишъ промчится тамъ волкъ молодой,
Да вѣтеръ колыхнетъ ихъ волосъ сѣдой.
Ужъ вотъ опахнуло знакомымъ дымкомъ,
Знать близокъ родимый и милый мой домъ.
Почуяли клячи селенія близь,
Запрядали уши, прибавили рысь.
Тутъ мнѣ показались овиновъ ряды,
Златистой соломы большія скирды
И сѣрыя крыши крестьянскихъ домовъ,
Какъ рыцарей древнихъ ряды шишаковъ;
Дымъ черный клубился изъ трубъ дымовыхъ

Высокимъ косматымъ султаномъ на нихъ.
Ужъ вотъ я увидѣлъ уютный свой домъ
И старую церковь со ржавымъ крестомъ.
Все въ прежнемъ порядкѣ дремало въ тиши,
Я вбѣгъ въ свою избу и нѣтъ ни души!
Лишь мыши стадами гуляли однѣ,
Да вилъ паутину паукъ на стѣнѣ,
Слиняла икона въ переднемъ углу
И запахъ могильный, и кровь на полу;
Прочелъ я, безъ мысли, въ засохшей крови
Начертаны буквы преступной любви.
Безъ цѣли, безъ чувства я выбѣгъ назадъ
И слышно, раздался въ селеньи набатъ:
Свирѣпое пламя махнуло крыломъ,
Минутъ чрезъ десять сгорѣлъ и мой домъ.
Изъ дома безумныхъ я вышелъ сей-часъ.
Примитежъ за правду былаго разсказъ!

КЪ МОИМЪ СОВРАТЕЛЯМЪ (19 МАРТА 1861 г.)

Здравствуйте братцы! ну что, отлегло-ли
Знакомое горе отъ сердца у васъ?

Ну что, дождались ли нечаянной воли,
Всѣ ли вы слышали Царскій указъ?—
Слышали,—слава-ти Богу, тепери
Взошла зарумянилась ваша заря
И вамъ отворились святилища двери,
Молитесь же братцы за здравье Царя:
Онъ Ангелъ хранитель, Онъ слава народу,
Онъ рознялъ и сорвалъ хомутъ вѣковой,
И бичъ изломилъ могучей рукой.—
Жалкимъ рабамъ вамъ далъ Онъ свободу
И милое имя свободныхъ селянъ.
Любите и бывшихъ владѣльцевъ дворянъ:
Они вѣдь для общаго блага людей,
Пожертвовать долей изъ части своей
Съ великой охотой готовность явили;
А это вѣдь значитъ къ отчизнѣ любовь.
А гдѣ все добыто? вѣдь предки ихъ кровь
На полѣ сраженья за все это лили,
Спасая Россію и буйныя клали
Подъ мѣткою пулей, да вражьимъ штыкомъ,
Иные жъ Царя, да престолъ окружали,
Другіе служили Россіи умомъ.—
Давайтежъ теперь всѣ съ новою силой
Усерднѣй трудиться, вѣдь Богъ труды любитъ

И батюшка Царь насъ всѣхъ приголубитъ.
Оставимъ пороки; намъ жизнь за могилой
Блаженство сулитъ за доброе дѣло
И ждетъ безконечное тамъ наказанье
За всякое злое здѣсь наше дѣянье.
Для этаго, братцы, совѣтую смѣло:
Оставить постыдный и гнусный расколъ
И вѣры единой священный символъ,
Святыхъ письмена, уставы соборовъ,
Вѣтхій и новый церковный обрядъ
Принять все за общій и вѣрный догматъ,—
Все слить во едино безъ распрей и споровъ;
А съ вѣрой единой полюбимъ другъ друга
И будемъ всѣ члены единой семьи,
Мы зря не утратимъ и время досуга
И Богъ намъ пошлетъ во всемъ спорыньи.
Объучимъ дѣтей, вѣдь грамота нынѣ
Не меньше нужна имъ, чѣмъ манна въ пустынѣ
Древнему плѣмю святого народа;
Хоть такъ же не будетъ семья безъ урода,
Но намъ вѣдь ученье—то свѣтитъ впередъ,
При свѣтѣжъ плохой лишъ ходокъ упадетъ.

НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.

Какъ изъ Нижняго—
Нова-города,
Въ Москву матушку
Бѣлокаменну:
Пролегла тропа,
Тропа торная,
Широка, гладка,
Чугуномъ стлана;
Какъ по той тропѣ
Пѣшеходъ нейдетъ,
Борзый конь въ сѣдлѣ
Тамъ копытъ небьетъ,
Не лѣтитъ по ней
Тройка ухарскихъ,
Не поетъ ямщикъ
Пѣсню хвацкую,
Просторонушку
Чужу—дальную,
Красну Дѣвицу
Чернобровую.
Тамъ летитъ стрѣлой
Нова ма́шина,

А наней сидитъ
Добрый молодецъ,
Хоть не пьяный онъ—
Буйну вѣшаетъ,
Не спохмѣлья онъ—
Кудри клочутся,
Онъ не битъ ни кѣмъ—
Слезы катются,
Грудь высокая
Поднимается.....
Что за грусть, тоска,
За кручинушка,
Легла на сердцѣ
Добру-молодцу?
Знать простился онъ
Съ отцомъ съ матерью,
Знать оставилъ онъ
Красну дѣвицу,
Иль жену съ дѣтьми
Одинехоньку,
Безъ куска хлѣба
Въ произволъ судьбы;
Собрался знать онъ
Во чужи края,

Попытать себѣ
Счастья-долюшку,
Иль оброкъ добыть
Заработкою,
Да отца кормить
Въ горькой старости;
Иль нарядъ купить
Красной дѣвицѣ,
Да къ вѣнцу спѣшить
Въ село родное;
Иль богатымъ быть
Въ скоромъ времени,
И съ семействомъ жить
Припѣваючи.....
Не дивитесь вы
Люди добрыя!
Русскій молодецъ
Вездѣ хлѣбъ найдетъ,
Заработаетъ
Себѣ денежку,
Не обманомъ онъ,
Не продѣлками,
Не надуетъ онъ
Такъ, бездѣлками,

Какъ Французъ какой,
Пустобрюшникъ злой;
Нѣтъ!—у Русскаго
Сила мощная,
Грудь широкая,
Рука твердая,
Предпріимчивъ умъ,
Воля гордая,
Коль захочетъ что,
Такъ исполнитъ онъ—
И оброкъ пришлетъ
Старику отцу,
И кумачь сошьетъ
Красной дѣвицѣ,
Капиталъ собьетъ,
Будетъ купчикомъ
И жену съ дѣтьми
Увезетъ въ Москву.

ВЫРУ ЖОСЕЛАНИЖИ.

Что ты Дуняша сидишъ у окна?
Что не нарядна, зачѣмъ ты грустна?

Смотришъ уныло на рѣзвыхъ подругъ,
Какъ веселятся и вьются вокругъ.
Ты посмотри, какъ всѣ разодѣты:
У всѣхъ позументы съ уборомъ надѣты,
Штовъ до парча все—видны вездѣ
И щочки у всѣхъ, какъ макъ на грядѣ.
Слышъ—какъ Катюша-та плавно поетъ,
Будтобы въ душу такъ меду и льетъ;
Чу—какъ Анютинъ стучитъ башмачокъ
Подъ звонки напѣвы: «чокъ-чокъ-чеботокъ,
Калиновый, новый, держися мостокъ;
Блекника-блекни алый цвѣтокъ.»—
Зачѣмъ поддаваться лютой тоскѣ:
Наша судьбинушка въ Божьей рукѣ,
А сладкое времячко скоро уйдетъ,
Ростаитъ, какъ вешній отъ солнышка ледъ.
Иди же, Дуняша, на встрѣчу судьбѣ,
Авось улыбнется, злодѣйка, тебѣ;
Она вѣдь, колдунья, играетъ красой,
Какъ вѣтеръ полденный твоею фатой:
Однихъ она нѣжитъ и съ ними поетъ,
Другихъ же караетъ да въ узы куетъ;
Убьетъ и неровню, твою, старика,
У ней вѣдь желѣзна и мощна рука.

—Нѣтъ, Ванюша, голубчикъ, дружокъ,
Не мой уже этотъ веселый кружокъ:
Коса не плетется, румянецъ увялъ,
Измялась парча, позументъ мой слинялъ,
Подбился каблукъ, кольцо не блеститъ,
Какъ льдинка холодна на сердцѣ лежитъ
И свѣтлый мой умъ померкъ ужъ съ тѣхъ поръ,
Какъ отецъ мой покончилъ съ пострѣломъ сговоръ.
Заброшенъ ключъ въ море ужъ не достать,
Подстрѣленной пташечкѣ поздно летать:
Скоро ужъ косу мою разплетутъ
И въ домъ двухъ-этажный меня приведутъ,
Толпа ребятишекъ, я буду имъ мать,
Широки загоны пошлютъ одну жать,
Отъ полныхъ амбаровъ дадутъ мнѣ ключи,
А старый ревнивецъ велитъ на печи,
Неволей, съ нимъ въ праздникъ подъ шубой лежать,
Заставитъ проказникъ себя цаловать;
И такъ незамѣтно, лѣтъ чрезъ пятокъ,
Увянешъ, какъ дикій въ теплицѣ цвѣтокъ:
Отъ трудной работы согнешься дугой,
А тамъ промелькнетъ и волосъ сѣдой,
Покроютъ морщины щоки и лобъ
И съ трупомъ холоднымъ закроется гробъ.

Дорожный совѣтъ.

Что ты, братища, гуляешъ Ѳедотъ?
Аль-ти Царь денегъ-то съ гору пришлетъ?
Минулъ Егорій, ужъ время въ порѣ,
Вотъ Афанасьевъ день на дворѣ;
Скоро Никола--лѣнива соха,
Время вѣдь кормитъ годъ мужика;
Видишъ какъ въ полѣ-то кишма-кишатъ,
Точно какъ роютъ всѣ одинъ кладъ;
А ты и буланка въ поле пустилъ
И соху порядкомъ еще не срядилъ,
Плохо, негодно ты дѣлаешъ братъ:
Ты не бобыль, не вольный солдатъ,
Твоя вѣдь семья-то—надо кормить,
Да Царско и барско велятъ заплатить.
Вовремя зернышко въ землю положъ:
Втрое тогда за работу возьмешъ,
А поздній посѣвъ травой заростетъ
Ты вѣдь безъ хлѣба останешься въ годъ.
Плохо, братъ, будетъ, какъ въ осень шаромъ
Скатишъ широкимъ и чистымъ гумномъ.
Рожъ ты съѣдаешъ всегда до-Вдокей.
По міру пустишъ опять ты дѣтей.

—Эхъ Еремѣичъ!—всему свой чередъ!
Знаю навѣрно, что время уйдетъ;
Да пусть его идитъ,—право не жаль:
Грудь мою давитъ тоска да печаль.
Радъ бы работать, для пользы своей,
Радъ бы кормить я малыхъ дѣтей,
Хлѣбъ добывать, для родной семьи;
Но вижу, ни въ чемъ мнѣ нетъ спорыньи:
Всякое дѣло валится изъ рукъ,
Дѣтямъ не батька, женѣ я не другъ;
Такъ знать написано мнѣ на роду,
Сердце все ноетъ и слышитъ бѣду,
Такъ вотъ и бьется, какъ голубь, оно:
Слухъ о наборѣ вѣдь ходитъ давно,
Чую, въ наборъ, не минуть мнѣ лба,
Вѣрно Ѳедоту такая судьба,
Отъ Бога назначенъ такой ужъ удѣлъ,
Вѣдь Богъ же служить Царю-то велѣлъ.

Вышний вечеръ.

Ахъ, что за картина!
Ахъ, что за раздолье!
И холмъ, и долина,

И лѣсъ, и заполье:
Одѣлись въ порфиру
И блесткой покрылись;
Какъ къ Царскому пиру
Они снарядились.
И тихо, и мило
На нѐбо взираютъ;
Знать—ждутъ, какъ свѣтилы
Надъ ними взыграютъ.
Вотъ тучки всѣ скрылись,
Вотъ мѣсяцъ примчался
И звѣзды явились.
Морозъ разгулялся.—
Запрыгали блестки,
А вѣтръ шаловливый
Ломать сталъ березки
Да хрупкіе ивы.
Всѣ звѣзды взыграли,
Какъ будто бы въ жмурки;
На землю бросали
Лучисты фигурки,
А Царь улыбался,
Какъ Ангелъ хранитель
И скоро помчался

Въ небесну обитель.
Весела пирушка
На дивномъ семъ балѣ!
Земля-жъ какъ старушка:
Лежитъ въ одѣялѣ
Зажмуривши очи.
Она знать устала?
И доброй всѣмъ ночи,
Друзья, намъ сказала.

ЖЕЛАНІЕ СТАРИКА.

Пошолъ бы я съ дѣвчонками
Играть въ горѣлки въ лугъ
И пѣснями ихъ звонкими
Потѣшилъ старый слухъ,
И самъ бы спѣлъ унылую
Имъ пѣсенку про степь;
Изъ всѣхъ бы выбралъ милую
И съ ней вплелся бы въ цѣпь;—
Но гдѣ же та бесѣдушка—
Я гдѣ найду подругъ?
Смѣясь мнѣ скажутъ:—дѣдушка!
Ты годенъ для старухъ.

Пошолъ бы въ поля чистыя
И нарвалъ бы цвѣтковъ:
Медяночки душистыя
Да зрѣлыхъ васильковъ;
Изъ прыщика гранатнаго
Я навилъ бы вѣнковъ;
На грудки ароматнаго
Сманилъ бы мотыльковъ;—
Но гдѣ я возьму мочи-то,
На чѣмъ туда пойду?
Вѣдь плохо видютъ очи-то
Цвѣточковъ не найду.
Ахъ, гдѣ ты время младости?
Гдѣ пылкая любовь?
Гдѣ свѣтлыя тѣ радости?
Гдѣ свѣжая та кровь?!—
Куда дѣвались, сгинули
И гдѣ нашли вы домъ?
Зачѣмъ меня покинули
Разбитымъ старикомъ?!
Охъ старость ты нежданная,
Иди изъ пиру вонъ,
Какъ гостійка незванная:
Чу!—стихъ ужъ вѣщій звонъ.

УТОПШІЙ.

Ты куда, бурный валъ,
Трупъ холодный помчалъ?
Изъ страны ли чужой
Да къ роднымъ берегамъ,
Ко вдовѣль молодой
Да сироткамъ дѣтямъ;
Иль съ родной стороны
Отъ родныхъ и друзей,
Отъ красотки жены
И малютокъ дѣтей.
Все равно бурный валъ,
Ты куда-бъ не помчалъ:
Не заплачетъ объ немъ
Молодая жена,
Только пользу она
Находила въ живомъ;
А малютокъ сиротъ
Не утѣшитъ ужъ онъ,
Имъ слезу не утретъ,
Не убавитъ ихъ стонъ;
Объ немъ другъ не вздохнетъ,
Даже близкій родной

Назовется чужой
И рукою махнетъ.—
Унеси бурный валъ
Его въ яръ подъувалъ,
Унеси поскорѣй,
Не играй мертвецомъ,
Захлѣщи и забѣй
Тамъ сыпучимъ пескомъ.

ЭПИГРАММА.

Заботой умъ твой дышетъ
Летя по строфамъ сочиненья:
На мѣлкія стихотворенья
Крупную прозу пишетъ;
Но чтобъ исправились херилы,
Какое надобно терпѣнье?
Смотри же, боги пѣснопѣнья
Утопютъ и тебя въ чернилы.

(И ЖЕ ТОЖЕ).

Вотъ и 1,000 лѣтъ Россіи!—
Тото жизнь-то тепери—полна и богата:

Мужика пересоздали нынѣ въ Пената,
Даже бабу простую сочли за Сильфиду;
Скажите-жъ спасибо ученому гиду.

(Толпа ко мнѣ).

—Всѣ вы ораторы—заморскіе франты,—
Всѣ вы птицы съ высокимъ полетомъ;
Всѣхъ обдарили полезнымъ совѣтомъ,
Да вы же и крадёте наши таланты.

Я, право, не знаю
Кому я мѣшаю!
Я съ музой играю,
Да пѣсни пою
И самъ издаю
Все, что сочиняю.
Я, право, не знаю
Кому я мѣшаю!
Я пѣсни пою,
Пою, а не лаю
И самъ издаю
Все, что сочиняю.

Что жизнь холостая,
Иныя твердятъ,—
Толь дѣло женатъ:
Изба не пустая,
Жена молодая,
Да пара ребятъ;
Такъ шутя—играя
Годочки летятъ!—
Блаженство,—ни слова;—
Но—вотъ на мой взглядъ,
Такъ жизнь холостова
Щастливѣй стократъ.

Не вѣрьте друзья!
Пусть хвалютъ мужья,
Пусть врутъ съ высока,—
Повѣдаю вамъ,
Секретно отъ дамъ,
Что очень гадка.

И мнѣ вѣдь сначала
Душа создавала
Въ женѣ идеала
Безпечной любви;

Теперь же она
Точъ-вточъ сатана
И слово жена
Бушуетъ въ крови.

Ужъ если кто съ годъ
Съ женою живетъ,
Спросите любова
Про жизнь холостова,
Онъ вамъ не солжотъ,
Коль дружны вы съ нимъ,—
Ахъ пожилъ бы снова
Опять холостымъ
И горько вздохнетъ.

КОНЕЦЪ.

H 107 89

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

HECKMAN
BINDERY INC.
NOV 89
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

LIBRARY OF CONGRESS

00025323737